

10 ноября 1995 Виссарион Сиснёв

ГОРЖУСЬ СВОИМ ОТЦОМ. ЭТО ОН НАУЧИЛ МЕНЯ ПЕТЬ.

Редкой красоты баритон, которым Бог наградил сибиряка Дмитрия Хворостовского, слышали на всех оперных сценах Америки кроме одной – нью-йоркской «Метрополитен-Опера». Между тем американская публика склонна считать, что тот, кто не апробирован в «Мете», как обычно называют этот театр, еще не вполне первая величина – пусть даже он пел в «Ла Скала». Конечно, местных знатоков насколько «заносит», но если учесть, что самые великие исполнители рано или поздно поднимались на подмостки «Мет», нельзя не назвать такое приглашение для любого певца – главный рубеж. Спев партию Елецкого в «Пиковой даме», Хворостовский не только «сподобился», но и произвел, можно сказать, фурор. В рецензии «Нью-Йорк таймс» звучит даже нотка удивления: мол, баритон из Красноярска – открытие для нью-йоркской публики. Это определило мой первый вопрос певцу.

- Дмитрий, вы не раз выступали с концертными программами в «Карнеги-Холл», пели вместе с Лючано Паваротти в «Линкольн-Сентер», в других концертных залах Нью-Йорка. Вроде бы тамошняя критика должна знать ваши возможности. Или открытие заключается в том, как Хворостовский поет именно в опере?

- Во-первых, «Метрополитен» - один из важнейших театров мира. Выступая в Америке уже много лет, я в силу разных обстоятельств никогда там не пел. Это мой дебют, и слава Богу, что он состоялся, причем в замечательном спектакле, которым дирижировал «наш» Валерий Гергиев, прекрасно дирижировал. И постановка превосходна, что было отмечено, очень сильный состав исполнителей.

Что касается меня лично... Лет пять назад я решил больше рецензий не читать, потому что похвалы похвалами, но чаще критики пишут, чтобы себя, собственную эрудицию показать. Ложка дегтя перебивает все полезное, и это мешает работе. Может быть, я зря так поступаю. Но уже как есть, об отзывах знаю только из чужих уст. А главное, певец ведь всегда сам знает, как он звучал, хвали не хвали, от себя правду не утаишь, если что-то не удалось. И если удалось – тоже сам это чувствуешь. Так что не примите за бахвальство, но я знаю, в «Мет» - удалось. Удивление же, о котором вы говорите, связано с тем, что многим здесь было любопытно услышать меня именно в зале «Мет» - огромном, акустически сложном: прозвучу ли я там, хватит ли голоса? Ну вот теперь, кажется, сомнения на эту тему, если они были, отпали. И коллеги говорили, и сам я знаю – звучал неплохо. Скажу больше, уже начались переговоры о моем участии в других постановках на сцене «Метрополитен».

- О чем конкретно идет речь?

- Пока секрет. Но могу сказать, что после пяти первоначальных спектаклей «Пиковой дамы» они через месяц будут возобновлены, и мы споем еще три спектакля.

- *А что еще?*

- В «Карнеги-Холл» закончится цикл из четырех концертов, который начнется в Сан-Франциско. После него – Форт-Уорт в Техасе и Вашингтон. Программа – романсы Рахманинова и цикл Свиридова «Отчалившая Русь» на слова Есенина. Как раз к этому времени здесь должна выйти моя пластинка с произведениями тех же композиторов. Впервые американцы услышат запись вещей Георгия Васильевича Свиридова, нашего живого гения, и я этому чрезвычайно рад.

- *Последний раз я вас слушал в сентябре в Москве, когда вы открыли сезон в консерватории. Как мне, посчастливилось немногим: буквально на следующее утро вы улетали в Лондон. Значит, постоянная база у вас теперь там?*

- Сложилось так, что последние пять лет я чаще всего бывал именно в Лондоне, там же находится менеджерская компания, которая меня все эти годы опекает. С Великобританией у меня многое связано. Там, на конкурсе в Кардиффе, у меня произошел первый настоящий прорыв после которого меня стали замечать. На следующие два сезона «Ковент-Гарден» предложил интересные контракты – сначала «Травиата», потом опера Доницетти «Дон Себастьяно». Одним словом, в Лондоне у меня дом, который я купил и обжил. Дочь учится в английской школе.

- *Но жить-то приходится на несколько домов? Ваша жена, Светлана, побывала с вами неделю и – обратно, в Лондон, к дочке Маше...*

- Да, в общем-то жить так непросто, география моей жизни слишком разбросана, срок проживания вдали от семьи продолжителен... Я достаточно контактный человек, это относится к землякам и к неземлякам, но этого общения мало, чтобы не чувствовать себя одиноко, чтобы не наступало тоскливое состояние. Вот Светлана сегодня утром уехала, и уже такое состояние накатывается. Единственное лекарство – работа, у меня ее, слава Богу, очень много, и я к ней отношусь очень серьезно.

- *Маша уже, наверное, по-английски говорит не хуже, чем по-русски? По бабушкам-дедушкам скучает или некогда?*

- Она очень глубоко погрузилась в общение с соучениками – школа частная, классы небольшие, человек по двенадцать, поэтому общение очень тесное, учителя это поощряют. Оно продолжается и вне школы. Так что английский она за год действительно освоила – сами удивляемся. Свободно говорит, пишет, читает, телевизор смотрит. По бабушкам и дедушкам, естественно, скучает, но сосредоточиваться на этом ей действительно некогда.

- *Кстати, о дедушках. Еще не познакомившись с вашим отцом, а только увидев его в зале консерватории, я сразу понял: это Хворостовский-старший, сходство несомненное.*

Потом я наблюдал, как он переживал за вас, когда вы пели – у него все на лице отражалось. У вас с ним, видимо, очень близкие отношения?

- Близкие отношения у меня и с отцом, и с матерью. Часто видеться с ними я, к сожалению, не могу, но по телефону говорю с ними регулярно. В Красноярске я был в сентябре, и в Москву на концерт в консерватории мы приехали вместе. Мой отец – инженер-химик, но, сколько себя помню, он всегда пел, у него чудесный баритон, он мог бы, должен был бы стать профессионалом, но жизнь сложилась иначе – не по его вине. Но для меня он всегда был примером увлеченности, преданности певческому искусству. Я вырос на этом. Его искания происходили на моих глазах и потом, когда началась моя собственная певческая карьера, оказалось, что все это так запало в мою вокальную память, что многие технические трудности я благодаря этому преодолел легче, чем другие студенты. Конечно, мне помогли стать на ноги педагоги, но во главу угла я ставлю своего отца. Я стал певцов благодаря его поддержке, его великому желанию, чтобы я им стал, чтобы музыка не прошла мимо меня. Сейчас, последние два года, он выступает в концертных программах как профессионал, тем более что его оценил вновь образовавшийся камерный оркестр. Но завод не бросает, хотя работы там почти нет – привык.

- Даже у такого занятого человека остается свободное время. Как вы его используете? Читаете, пишете этюды, возитесь с автомобилем, режете по дереву?

- Нет, ни этюдами, ни автомобилем, ни резьбой не занимаюсь – нет, увы, склонности. А вот чтение – это праздник, который всегда со мной, это ведь не только работа для ума, но и огромное удовольствие для души. Для меня это занятие не от случая к случаю, а постоянное. Вот всерьез взялся за Достоевского, сюда привез с собой. Сейчас на моем столе – «Идиот». В одиночестве Достоевский особенно хорошо читается, целиком им проникаешься. Когда-то мне один умный человек говорил, что начало четвертого десятка – очень подходящий этап для осмысления Достоевского, и я на своем примере убеждаюсь, что это верно. Помимо того, что вообще он захватывает, как, пожалуй, никто другой, его книги мной воспринимаются как очень современные и потому очень близкие моему нынешнему душевному настрою. Я даже как-то побаивался начинать его читать, теперь это прошло.

- На сколько лет у вас все распланировано вперед?

- Лет на пять все расписано. А из предстоящего... Таких бастионов, как «Метрополитен-Опера», брать не придется, петь буду в уже знакомых местах – в Лондоне, Вене и так далее. Правда, новые партии во многих случаях, но главное даже не в этом. Как-то я говорил вам, что еще не чувствую себя полностью готовым для оперной сцены, не хочу форсировать. Так вот сейчас могу сказать, что настало время, когда и я сам, и мой голос готовы для самого сложного оперного репертуара, больше мне не нужно себя сдерживать.

- Когда вас услышат в следующий раз россияне?

- 16 декабря я буду петь в Москве, как бы открывая фестиваль, посвященный 80-летию Георгия Васильевича Свиридова. В марте с аналогичной программой выступлю в Санкт-Петербурге. Это очень здорово – быть современником такого композитора, быть причастным к его музыке. Потрясающе талантливый человек, многогранный. Когда в сентябре я был у него в гостях, слушал его, то поражаюсь его дару рассказчика. По-моему, он мог бы быть большим писателем – если бы не стал гениальным композитором. И главное, жаль будет, если он, видевший столько интересного, знавший столько выдающихся людей, никогда не расскажет об этом для всех. А он говорит: дай Бог успеть записать все беспрестанно рождающиеся у него мелодии...

- Дмитрий Александрович, на нынешний ваш приезд в Соединенные Штаты пришелся день рождения, после которого вы, как говорится, вступили в возраст Христа. Хочу вас поздравить от имени всех трудовских читателей, которые, как вы знаете, давно следят за вашими успехами. Дай вам Бог здоровья и удачи во всем, чтобы и следующие поколения россиян, а также и нероссиян, могли наслаждаться вашим пением. А у нас, ваших земляков, есть, конечно, монопольное право – гордиться вами.

- Спасибо. И еще хочу поблагодарить всех, кто поздравил меня с присвоением звания народного артиста. Хотя, между прочим, официального подтверждения этого факта я пока не получил. Но, видимо, не случайно у вас же, в «Труде» об этом было напечатано. Признаться, я прежде с иронией относился ко всем этим советским званиям, потому что знал, как они сплошь и рядом даются – не столько за заслуги, сколько за нечто другое. Но я за эти годы достаточно далеко отошел от околотеатральной возни, и смею надеяться, никто не заподозрит, что я как-то добивался этого звания. Оно стало для меня полной неожиданностью. Когда живешь за границей, само понятие «народный артист России» как-то согревает, делает тебя вроде бы ближе к родным краям. Это ведь все бравада и ерунда, когда люди, обосновавшиеся, скажем, в том же Лондоне, говорят, что о России и думать не думают. Разве что кто-то, кому туда возвращение заказано. А остальные... Скучают остальные, сны видят – как идут по снежку, по знакомым улицам. Я в своем лондонском садике собственноручно березки посадил.